

Поэт и гражданин

Неюбилейный Пушкин в изложении сразу двух юбиляров – Михаила Козакова и Леонида Зорина

Независимая - 2004 - 22 окт - с. 12

Григорий Заславский

Как сыграть Пушкина? Наклеить бакенбарды, чуть-чуть согнуть ноги в коленях, чтобы казаться ниже актрисы, которой достанется роль Натальи Николаевны? Или вовсе вывести его за сцену, как это сделал Булгаков в пьесе «Последние дни», чтобы роль «короля» сыграла «свита»?

В пьесе Леонида Зорина «Медная бабушка» Пушкин – главное действующее лицо. Когда-то давно Михаил Козаков участвовал в работе над этой пьесой. В юбилейном разговоре на «Эхе Москвы» Козаков вспоминал, что Пушкина должен был сыграть Ролан Быков, но не сыграл, поскольку в начале 70-х

говорила Николаю: «Ваше величество, он не просто талант. Ваше величество, он – гений». И Николай (Александр Яцко) после царственной паузы отвечает: «Что ж, тем хуже для него. Может быть, ты прав, и он гений. Но у гения может быть свое развитие, а у страны совсем другое, они ведь могут и не совпасть». Правда художника и правда страны – вероятно, вечная тема. Вероятно, не только русская, но русская – почему-то кажется – в особенности.

Нынешняя премьера на телеканале «Культура» вышла сразу к двум юбилеям – Михаила Козакова, которому в середине октября исполнилось 70, и Леонида Зорина, которому в начале ноября будет 80. Козаков – по-

**Правда художника
и правда страны – вечная тема.
В России – особенно**

тогдашний министр культуры Фурцева увидела слишком много аналогий: «и Солженицына поминали, и всех диссидентов», «все боялись и во всем искали тайный смысл».

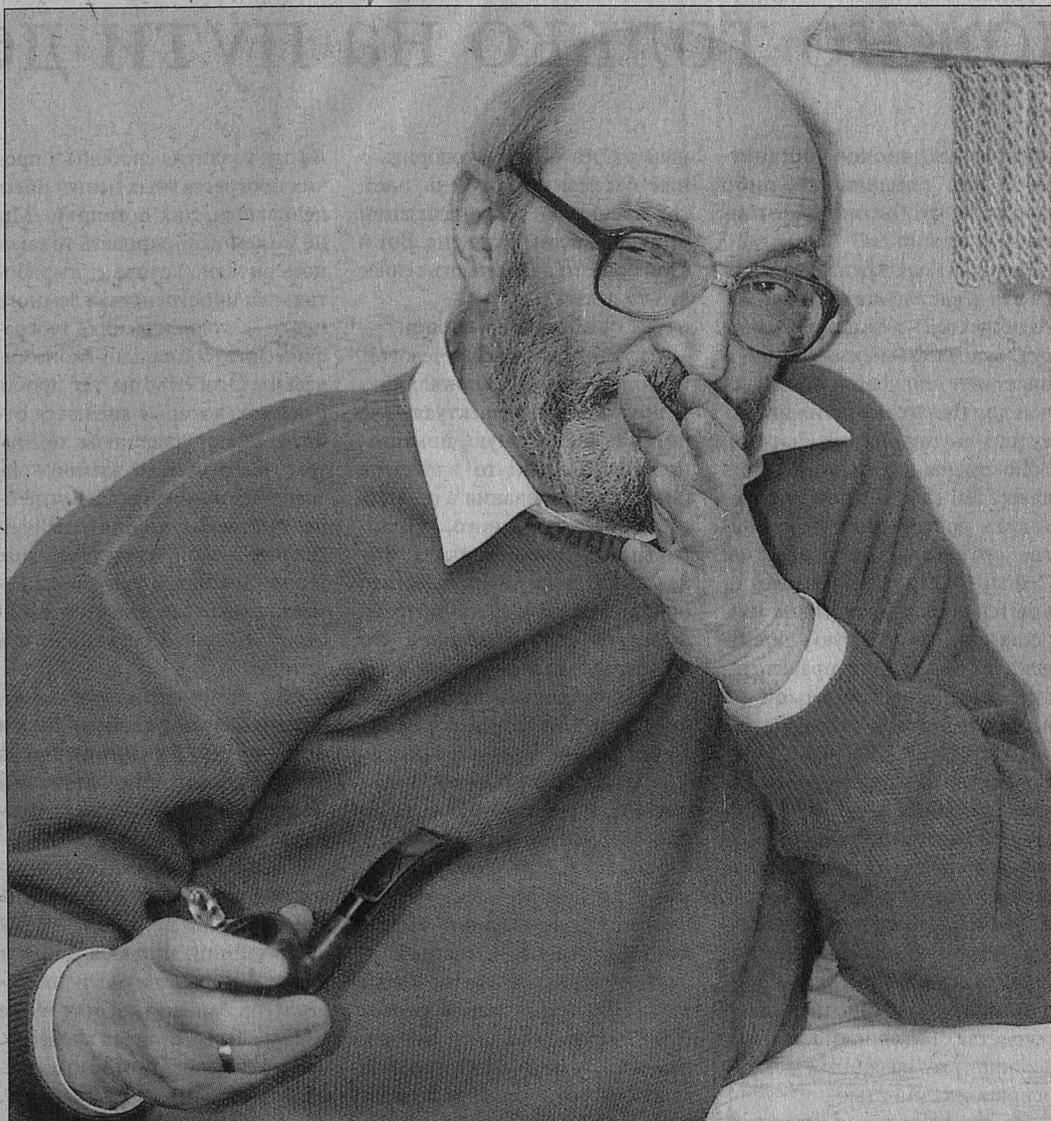
Пьесу закрыли по идеологическим причинам. Надо сказать, было за что. Имея в виду нынешнюю политическую конъюнктуру, она и сегодня не ко времени. В пьесе об одиночестве гения все это есть: и про власть, и про диссидентство. 1834 год, один год из жизни Пушкина. Пьеса про одиночество Гения, про «зависеть от царя, зависеть от народа...», про деньги, так много значившие в жизни поэта и так много – сегодня для нас.

Защитая Пушкина, который подал прошение об отставке, Жуковский (Александр Ану-

становщик, Зорин – автор, как в незапамятные времена, когда в таком же соавторстве вышли «Покровские ворота».

«Покровские ворота» – конечно, не совсем комедия, вернее, комедия, но особого рода, – лирическая, сентиментальная. «Медная бабушка» – не совсем трагедия, хотя описывает вполне драматические, можно сказать трагические, то есть ничем и никак не исправимые отношения художника и власти в России. Нечто в духе ныне модной техники «вербатим», то есть документальной драмы, так как у Зорина каждая фраза, каждый кивок головы, кажется, сопровождаются ссылкой: том такой-то, страница такая-то...

Странный человек Козаков вглядывается в черты такого понятного ему гения и очень

Мучитель себя Михаил Козаков.

Фото Александра Шалгина (НГ-фото)

странного человека Пушкина. Что еще их объединяет? Оба – баламуты духа, люди редкой душевной муки. Читаешь интервью Козакова, грустные и по причине юбилейности, конечно, так как мало кому круглые даты добавляют оптимизма. Про Беслан, про Шекспира, про Лира, которого он играет в громоздком спектакле Театра имени Моссовета. И что-то вроде старческого брюзжания проглядывает то тут, то там, но одновременно – глубокая боль за

то, что не случилось и, вероятно, уже никогда не случится. И большая, в смысле – очень большая доля этой боли касается не личного какого-то несоответствия, недополученных почестей или наград, а несоответствия в стране, – что как-то все опять по-дурацки выходит, трагически и безнадежно по-дурацки.

Читая слова его, слушая интервью, с каким-то ужасом вдруг понимаешь, что с ним, с Козаковым (и с Зориным, и с

несколькими еще единицами – наперечет!), уходит в прошлое интеллигентская культура.

Они играли для тех, кто понимает, и были люди, которые понимали их как никто... И вот «никто» остается, а те, кто понимает, – уходят.

Дело не в фигах в кармане, а в каком-то доверии к чужому сосредоточенному участию в их игре, их мыслях, в додумывании мыслей «на длинные дистанции» и договаривании непроговоренного.

«Медная бабушка» Козакова как бы возрождает высокие традиции фильма-спектакля, жанра, когда-то любимого нашими режиссерами, актерами и зрителями. Делается все буквально из ничего, на коленях, без денег: актеры без грима и без претензий становятся перед оркестровыми пюпитрами, готовые разыграть пьесу Зорина «как по нотам». Как будто все это не теле-, а радиотеатр, в котором Виктор Гвоздицкий прочтет «за Пушкина», Александр Яцко – «за Николая», Георгий Тараторкин – «за Вяземского», а еще – Галина Тюнина, Евгений Стычкин и – сам Козаков, с ними рядом, как наблюдатель, напоминая себя самого из «Покровских ворот», где он так же молчаливо и печально приглядывал за тем, как рушится «его» старый дом.

Гвоздицкий кажется старше своего героя, но Козаков и тут находит удовольствие в игре, «складывая» и «разъединяя» лицо Гвоздицкого с одним из последних пушкинских портретов, подписанным неведомым живописцем И.Линевым, «портретом без прикрас» (и еще – последним прижизненным портретом поэта). Гвоздицкий играет как бы внутренний, то есть настоящий возраст поэта и его настоящую, невыдуманную муку.

Из читки рождается игра, и вот уже появляются костюмы, и бакенбарды, и какая-то скамейка «в роли» скамьи из Летнего сада, и даже медная бабушка, из-за которой разгорается весь сыр-бор. Потом снова – слом, и все они снова – только актеры. Каждый из которых, вероятно, мог бы в эту минуту – в двух шагах от только что сыгранной роли – сказать о себе, как сказал Козаков: «Я не политик, я либеральный интеллигент, извините за слово «интеллигент».